

Корреспондент:
Расскажите, пожалуйста, хотя бы вкратце о своем пути в искусство.

М. Боярский.
Я происхожу из чисто театральной, актерской семьи. Актерами были мои родители, родные, весь окружающий меня мир был связан с театром. Гости заставляли играть этюды, что-то изображать, дирижировать воображаемым оркестром. Приблизительно тогда же я стал петь. Музыка в доме звучала часто — пели те же гости. Пели обычно хором на несколько голосов. Старые актеры умели хорошо петь, потому что, как правило, любой спектакль включал в себя исполнение романсов, песен — не было почти ни одного актера, не владеющего вокалом. Мне все очень нравилось, и я подпевал гостям своим тоненьким голоском. В конце концов родители обратили внимание на мои способности и решили: пусть будет музыкантом. С пяти лет я стал заниматься роялем, а с семи поступил в музыкальную школу при консерватории. Проучился я там одиннадцать лет и закончил ее в 1968 году с довольно серьезной программой.

Однако параллельно с любовью к серьезной музыке у меня, как и у многих ребят моего возраста (а дело происходило в начале 60-х годов), возникла еще одна страсть — поп-музыка. Я стал яростным поклонником «Битлз». Как только я услышал Джона, Пола, Джорджа и Ринго, то почувствовал, что эта музыка новая, пусть еще неокрепшая, но притягивающая, как магнит. Я стал играть на гитаре. Вместе с тремя друзьями по школе мы с увлечением репетировали (разумеется, что-то из репертуара «Битлз»), воображая себя какой-то известной группой. Играли на семирубричных акустических гитарах. Слушали записи «Роллинг стоунз», «Шалюз», «Бич бойс», «Холлиз» и других ансамблей той поры. Я до сих пор больше всего люблю именно эту музыку — «поп» 60-х годов... Сейчас популярная музыка «диско», но мне она не стала близкой, не трогает сердце...

Далее произошло следующее: нас заметили ребята, которые обладали кое-какой аппаратурой, у них были приличные инструменты, усилители и все прочее: зато они не умели ни петь, ни играть. В общем, произошло сложение их аппаратуры и наших голосов. Так получилась группа «Кочевники», которая в середине 60-х годов была одной из сильнейших в Ленинграде...

Но вот школа закончена. Пришлось решать, куда двигаться дальше. Выдающимся исполнителем классической музыки я стать не надеялся, профессиональных рок-ансамблей тоже не существовало. На семейном совете было решено, что мне надо в соответствии с семейной традицией поступить в театральный институт... Поступил. Однако в вузе по-прежнему участвовал в самодеятельности, пел в ВИА.

В 1972 году закончил институт и был принят в театр имени Ленсовета. Взяли меня туда, наверное, потому, что я умел играть на гитаре и петь — в одном из спектаклей срочно потребовался исполнитель на эпизодическую роль современного «волосатого» гитариста. К музыке в этом театре вообще отнеслись хорошо, и уже была

одна «поющая» актриса — Алиса Бруновна Фрейндлих. Главный режиссер, Игорь Петрович Владимиров, вскоре постарался выстроить из нас «поющий тандем», а потом стал привлекать в театр и других актеров, умеющих петь. В репертуаре появилось много музыкальных спектаклей; москвич Геннадий Гладков писал к ним прекрасную музыку (назову такие работы театра, как «Укрощение строптивой», «Люди и страсти», «Трубадур и его друзья», «Дульсиния Тобос-

Не только. Есть у меня трое друзей, с которыми я довольно регулярно общаюсь. Берем гитары, подключаем их к нашим скромным 10-ваттным колонкам, играем и поем, записываем на магнитофон свои песни. Делаем это просто так, для собственного удовольствия, потому что ностальгия по игре такого рода огромная. Есть здесь и практическая польза — рождаются какие-то новые мелодии, или отдельные их «заготовки». Потом это используется. Нель-

был знаком. И пел как бы не «от себя», а от своей роли «ведущего»...

...Трудно сказать, какую бы песню я хотел спеть. Но я не люблю петь в одиночку, мне ближе ансамблевое звучание. Люблю петь в дуэте...

Корреспондент.
Однако время, когда на эстраде доминировало ансамблевое пение вокально-инструментальных ансамблей, как мне кажется, уже миновало. Сейчас «вернулось» сольное пение; слушатели

ры, которые играют только гангстеров или ковбоев. Есть маски Диснея, есть наши маски Зайца и Волка из «Ну, погоди!». Волк в этом сериале всегда одинаковый, его характер задан. Но почему то вот уже второй десяток серий идет, а мы все еще смотрим их с удовольствием. Я не отрицаю ни одного из возможных путей.

А главное — все это мне нравится. Наверное, во мне сидит много детского, и все эти романтические роли мне просто интересны. Не потому, что я в них выигрышно выгляжу, а потому что в них есть какой-то азартный, молодежно-задорный дух... Мне кажется, какие-то другие роли я еще успею сыграть, а вот д'Артаньяна надо играть сейчас, пока тебе тридцать. И если мне снова предложат что-либо в этом роде, я опять соглашусь.

Корреспондент.
Скажите, пожалуйста, почему вас так любят подростки, вообще — дети?

М. Боярский.
Может быть, потому, что многие фильмы и спектакли, в которых я участвую, направлены на детскую аудиторию? Я очень люблю играть для ребят: дети ведь самые благодарные зрители. Но до конца я и сам не могу понять истоков этой любви. Надо сказать, что я получаю обширную почту, в среднем писем по пятьдесят в день, и почти все они от детей. Причем, многие от совсем маленьких — трех-, четырехлетних.

Корреспондент.
А о чем пишут?

М. Боярский.
«Волк, я тебя люблю». Или «Дядя Миша, приезжай к нам в гости». Некоторые даже пишут сами не умеют — «написано со слов дочки Светы, трех лет». Часто присылают рисунки. Кружок, палки, два крючка: «Это ты. Приезжай к нам!» Вот такие смешные, наивные.

Корреспондент.
Сейчас у вас премьера в театре. А что дальше?

М. Боярский.
Дальше? Будут наверняка новые спектакли. А вот кино... То, что мне предлагают, меня не очень интересует. Хочу привести себя «в порядок», а то за последние годы немножко «растрепался», принимая подряд все предложения. Надо бороться. Я ничего не потеряю, если не поснимуюсь годик-полтора. Сделаю передышку, а за это время поплотнее займусь музыкой.

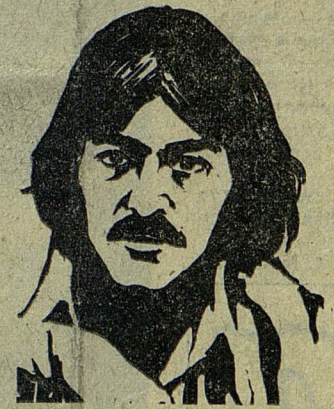
Хочу, наконец, попробовать записать и несколько своих собственных песен. Идеальный вариант — гигант, где будут представлены и я и мои друзья. Сделать хороший диск нелегко, здесь нужен серьезный подбор репертуара, нужны советы друзей, и, конечно, качественные записи. Но аппаратуры у меня нет и никогда не будет. Значит, вся надежда на друзей, скажем — на Максима Дунаевского. Материал для пластинок, повторю, есть. Но бороться вместе, чтобы записать диск — это, прежде всего, проблема точной организации. Нужно большое количество поездок по трассе Ленинград — Москва. А я — плохой организатор...

Званный гость

ВОЛК, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Михаила Боярского вряд ли стоит представлять нашим читателям — человек он достаточно популярный. Талантливый артист Ленинградского театра имени Ленсовета, но артист особенный, представитель того почти еще не сформировавшегося амплуа, которое условно назовем пока «актер мюзикла».

Корреспондент журнала «Клуб и художественная самодеятельность» Аркадий ПЕТРОВ, встретился с Боярским. Это интервью происходило в день премьеры театра имени Ленсовета — пьесы Назыма Хикмета «Станция».



скаей). Началась «эпоха мюзиклов». К сожалению, трудность любого мюзикла в том, что далеко не все, написанное композитором, может быть грамотно спето актерами: у одних диапазон голоса крошечный, у других вовсе нет слуха и т. д. И все же, на мой взгляд, театр, включающий активное музыкальное начало, очень многое теряет.

Чем вообще отличается «поющий актер» от певца (который обычно актером не является)? Певец «думает» диафрагмой, связками, для него самое важное — красивый тон, для актера же главное сыграть то, что он задумал, воплотить средствами музыки образ. В первом случае, как правило, получается концертный номер. Во втором — музыкальный театр.

Корреспондент.
Вы поете только в спектаклях и в записях для кино и ТВ?

М. Боярский.

за ведь ждать, что композитор напишет тебе все, выпишет каждую ноту. Иногда ведь он пишет ремарку «ад либитум», то есть «играй, что хочешь»...

Корреспондент.
Скажите, а есть ли у вас какие-то связи, с «кнетральными» композиторами?

М. Боярский.
Почти нет. Есть песня Тухманова «Так не должно быть», которую я пою вместе с Олей Зарубиной. Но это, пожалуй, чуть-чуть театральная работа. Новогодний вечер, телевизионный «огонек», интим в зале, тишина, а потом мы с хрупкой, похожей на дюймовочку Олей Зарубиной должны всех поднять и вовлечь в танец. Вот такая была задача; я знал, как это должно было выглядеть, но с самой песней сначала еще не

словно несколько устали от ансамблевого «мы» и захотели сольного «я»... В этой связи, быть может, ваше тяготение к пению в группе — проявление как раз той ностальгии по 60-м годам, о которой вы говорили?

М. Боярский.
Возможно, что и так. Но мне все-таки кажется, что если нас трое или четверо — это тоже может быть «я». Кроме того, наверное, мне хочется добиться какого-то оригинального, собственного, своего звучания группы. Мне кажется, что наши отечественные ВИА сделали в этой области далеко не все, что можно...

Корреспондент.
Скажите — не тяготит ли вас, как актера, как художника амплуа, которое навязано вам кино и телевидением — амплуа романтического героя «плаща и шпаги», благородного кабальеро Теодоро из «Собаки на сене», Трубадура, д'Артаньяна?

М. Боярский.
Конечно, я хотел бы попробовать себя в самых разных ролях, но, видите ли, кино — это такая организация, которая берет только то, что апробировано в театре. После «Трубадура» и «Собаки на сене» со мной все и всем было ясно. Чтобы разубедить режиссеров, надо потратить очень много времени и сил.

Однако мне кажется, что следует вступить за «типажа». Для меня, например, одним из идеалов мастера я является Евгений Павлович Леонов, человек, который умеет все, от трагедии до буффонады, артист, который обладает полной палитрой красок. Но есть великие актеры совсем иного типа — они с вариациями, разрабатывая с разных сторон, повторяют один и тот же тип. Например, Бельмондо. Он всегда сильный, ловкий. В нем качество представить его себе я не могу. Но он так убедителен, что никогда не надоедает. Есть акте-